

Ирина Полякова(Глебова)

г. Харьков, Украина

ПЕТРО СОРОКА

Петро Сорока – писатель из Тернопольской земли. Там он родился, там, в Тернополе, живёт и работает ныне. Он автор многих книги: поэзии, но в основном, прозы. Это необычная проза, очень редкого жанра. Сам автор свои записи называет «Денниками». Я писала об этой поразившей меня и взявшей за сердце прозе, повторю кое-что для читателей сборника.

... Писатель живёт в лесничестве, в заброшенном домике. Он сам отремонтировал и вычистил жилище, украсил его листьями, цветами... Да, только настоящее уединение даёт и душевный покой, и полную свободу. Только тогда начинаешь замечать то, что не увидит ни грибник, ни турист, пришедший в лес на несколько часов. И только тогда приходят к писателю такие поэтические размышления и рождаются такие прекрасные строки: «Раніше мені здавалося, що дерева – загублені діти всесвіту, адже хто б там, на Небі, полічив їх, тримав у своїй пам'яті, тим більше, опікувався ними та переймався їх долями? Але тепер знаю напевне: як і люди, вони мають своїх янголів-охоронців, що прилітають до них на ясно-зелених крилах, аби допомогти вистояти і передчасно не надломитися».

Человек и лес, писатель и лес... Творческая мысль освобождается от бытовых неурядиц, органично вплетается в природу, такой вольной мысли доступно всё: небесные выси, земные глубины, безграничный охват тем, раздумий, открытий... Так, наверное, работали писатели Бианки, Пришвин...

Но всё же хочу представить поэта Петро Сороку: на мой взгляд, одного из самых душевных, пронзительных поэтов современной Украины. Да и как может быть иначе, если писатель, открывая свою новую книгу денниковой прозы «Дерево над водним потоком», пишет: «Молюся за всіх своїх читачів, за їх фізичне і духовне здоров'я. Молюся щотижня на недільному богослужінні, молюся вечорами вдома, і прошу Господа, щоб оберег мене від згубного і душетлінного слова, яке може зашкодити іншим. І при тому прошу у всіх пробачення.

Письменник відповідальний і за те, що пише, і за тих, до кого потрапляє його книжка.

Я звісно прагну, щоб мої твори були наділені світлою цілющою силою, але добитися цього без вищого благословення не можна, бо тільки Бог вдихає душу в написані нами слова».

Я переводила стихи Петра Сороки, испытывая светлую радость и чувство душевной сопричастности. Вот эти переводы.

ЗЕЛЁНАЯ РУСЬ

* * *

Дни своевольные, каждый – потеря,
Мчатся... Считать их уже боюсь.
Не отпускайте меня, деревья,
Травы и реки – Зелёная Русь.
Не отпускайте, звонкие рощи,
Крепче вяжите, петли дорог,
Чтоб исповеднее, глубже и больше
Выразить в слове душу я смог.
Я не насытился небом и цветом,
Каждой травинкой звенит всё во мне.
Голосом зяблика и бабьим летом
Душу мою привяжите к земле.

Не отпускайте. Багряно-немыслим
Мир предстаёт в предрассветной красе.
Я не хочу ещё в горнии выси,
Я ещё в теле, как солнце в росе.
Я не сдаюсь ещё смертному зелью,
Сон ли я вижу, иль всё наяву...
Если внезапно умру в воскресенье,
То в понедельник опять оживу.
Ах, эти годы, кураж нетверёзый!
Сколько осталось – и думать боюсь.
Не отпускайте меня, берёзы,
Травы и реки – Зелёная Русь!

* * *

Боль как лезвием острым рванёт
Пусть ещё не по сердцу, но рядом,
И за миг жизнь промчит, промелькнёт
Перед внутренним взглядом.

Как последний поклон – отболит
И погаснет всецело.
Пол столетья за миг пролетит,
Как уже один раз пролетело.

* * *

Был же ангел в небе, был, я знаю!
Как ни бейся – больше не видать.
Может, это Бог меня карает,
Заслонив виденья благодать.
Только нету силы отступиться,
Жду, упрямо глядя в небеса.
Может, тенью лёгкою промчится
Или знаком бросится в глаза.
Без него душа моя чуть дышит,
Жизнь скучна и пресно бытиё.
Может, он мою молитву слышит,
Да не верит в искренность её.
Горько от раздумий опостылых,
От ничтожных, суетных преград.
Хоть бы раз услышать шелест крыльев,
Ангельских очей почуять взгляд.
Он меня держал на свете этом,
Оттого шёл в ад я напролом,
Этим взглядом ласковым согретый,
И святым обласканный теплом.
А теперь зияет небо адом,
Давит, словно гробовой гранит.
Может, так мне, глупому, и надо,
Пусть тревога душу мне гнобит.

Пусть теперь проходят дни бездарно,
Пусть судьба телегой тарахтит!
Человек, увы, как падший ангел –
Божий дар не в силах сохранить.

* * *

От жара золотого, словно спьяну,
Упала осень поздняя в стерню,
И вот уже, как орды Чингизхана,
Зима готова всё предать огню.

Равняется, и дышит тяжело, хищно,
Аж леденеет в ужасе трава.
И оборвётся через миг затишье,
Как рвётся, натянувшись, тетива.

И кони-змеи вздыбятся, шальные,
Блеснёт, схлестнувшись, сабельный булат,
И в белом вихре бешеной стихии
Всё на земле завертится не в лад.

Но скоро все улягутся тревоги,
И даже станут радовать нам взгляд
Высокие сугробы при дороге,
И белизна – как свадебный наряд.

И эта мощь всеобщего напора
Так затуманит души и умы,
Что мы признаем и легко, и скоро
Тотальную империю зимы.

И до самозабвения тревожно
Потянет сдаться в плен её красот,
Хотя предвидим: как волков обложат
Флажками недозволенных свобод.

* * *

И сердце и душа окаменели –
Паду в траву.
А ты придёшь – и прикоснёшься еле –
Я оживу.
И засияю весь, и запылаю –
Зоря во мгле.
О, ангел мой, не потерявший рая
Здесь, на земле!
От сладостного откровенья тела,
От волшебства,
Сгорают мои губы ошалело
И все слова...

* * *

Спасибо, Боже, за горы,
За счастье, за горький смех,
За ветер, что с нами спорит,
За небо, что тянет вверх.
Спасибо, Боже, за грозы,
За солнце и за мороз,
За призрачно-тихие грёзы
И светлую сладость слёз.
Благодарю и молюсь я
За безневинный грех,
За смерть, которой страшусь я,
За вечность – тайну для всех.
За острую жажду жизни
Даже в годину бед.
За краткость мгновений быстрых
И красоты вечный свет.

* * *

Кто рано зреет – рано угасает.
Жизнь – миг слепящий, как благая весть.

Талант, он преждевременно сгорает:
И в двадцать восемь, или в сорок шесть.

Здесь от имён аж головокруженье.
От Байрона до Кашки... Но, прости:
Ведь есть талант, чьё позднее рожденье
Даёт ему до старости цвести.

Талант и юность – грешное сплетенье,
Опасное – уж очень яркое свет!
Пусть в шестьдесят проснётся озаренье,
И ляжет на бумаге вечный след.

Чтоб встретить старость – тихую обитель,
Согретую огнём твоих идей.
И, коль Господь позволит, то увидеть
Заслуженные почести людей.

И, подсчитав книг тиражи большие
И гонорары, выдохнуть: «Всё – дым...»
И ощущать свои виски седые
Сияньем ореола золотым.

* * *

Взгляд мой устремляется за город,
где сливаются и даль, и высь.
Нет тоски, но перехватит горло
музыка, с которой не срастись.

Взгляд блуждает в загородных чащах,
там, где в синем мареве луна,
где зазывно, вечно и маняще
тянет даль, что тайнами полна.

Где река стремится к небосводу
и сгорает солнце среди полей,

только там моя душа свободна
на дороге, что судилась ей.

* * *

Леса и равнины. Озёра без парашютов.
Высокие тополи, жёлтые травы полей.
Не думал, что можно так сильно любить землю эту –
Как душу в себе, и как женщину... Даже сильнее.
Что можно так пьяно, надрывно
припасть к её тёплому лону
И, мудрую жизнь презирая, прожить
словно истый мудрец.
– Ты кто? – вопрошает меня тихий ангел у рамы вагона.
– Паломник, бродяга, прекрасных пейзажей ловец.
Я всё навиваю дороги на сердце, и горы, и доли,
Где пьёт человек свет преясный, а ветер – росу.
Душа, говорят, отлетает в иные миры нище-голой,
Я ж диво-коллекцию в горнюю высь принесу.

* * *

Садится солнце медленно, и мне
Быть может остаётся час единый,
Чтоб дочитать, с собой наедине,
В смерканье дня святого Августина.

И так светлы нетленно небеса,
Любовь в душе пронзительно-печальна,
Что этот час огромнее, чем вся
Жизнь, что уже осталась за плечами.

Перевод с украинского Ирины Поляковой (Глебовой).

*Анатолий Шехтман
г. Харьков, Украина*

* * *

*В первые минуты
Бог создал институты,
И Адам студентом первым был...
Студенческая песня*

Неудержимо мчатся дни.
И встречи наши – все дороже.
Помилуй нас, великий Боже,
И друг для друга – сохрани!
Ты – есть. И в том сомнений нет.
Иначе – как понять такое?
Кто нас отеческой рукою
Объединяет столько лет?
Светлы деяния Твои.
В творенья первые минуты
Ты, Боже, создал институты
И в их реестре – ХПИ.
И мы, кто верою живет,
Что нет обители чудесней,
Ее немеркнущие песни
Поем весной который год!
Святая дружба греет нас.
Она подарена Тобою.
Мы с нею держим хвост трубою.
Нам легче с нею в трудный час.
А час – Господь не приведи
Его надолго продолженья:
Эпоха общего броженья
С густым туманом впереди.
Бардак в отечестве родном.
Тайфун швыряет нас по свету.
И не изменишь данность эту –
Плодить друзей в краю ином.

Но где бы ни были друзья,
Они, как прежде, с нами вместе.
Поем мы с ними наши песни.
Нам друг без друга жить нельзя.
Почто ж, потери наши множа,
Несутся пасмурные дни?
Помилуй нас, Всеблагий Боже,
И друг для друга – сохрани...
1993г.

* * *

Да что же это делается со мною!
Ну нет ума – в такие-то года:
Живу с непреходящею виною
За все. И перед всеми. И всегда.
И вроде зверски вкалывал всечасно.
И вроде был весомым результат.
И понимаю вроде бы прекрасно,
Что, ну хоть кое в чем, не виноват!
И даже чем-то можно бы гордиться,
И что-то там не я, а мне должны...
Ну не могу достойно утвердиться,
Снедаем вечным комплексом вины,
В чаду сомнений, постоянстве боли,
Стремленья страстном вытравить раба...
Коллизии такой абсурдной роли
В спектакле под названием «Судьба».